

УДК 141

В.А. Усольцев

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург,

«КОНСЕРВАТОР» КНЯЗЬ ВЛАДИМИР МЕЩЕРСКИЙ – ПРОТИВ ЛИБЕРАЛИЗМА

«Князь Владимир Петрович Мещерский родился 11 января 1839 года в Петербурге, в семье отставного подполковника гвардии. По линии матери, Е.Н. Карамзиной, он был внуком великого русского историка и писателя Николая Михайловича Карамзина. ...В семье царил непререкаемый культ деда. ...В 1862 году князь Владимир Мещерский становится чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел. Казалось, будущее ясно – его ждёт блестящая карьера! Однако неожиданно для друзей и родных Владимир Петрович объявляет о своём решении заняться профессиональной журналистикой. Решение, по меркам его круга, весьма странное и даже абсурдное. ...Однако Владимир Петрович не изменил раз принятому решению. Потому что идти против течения всегда было потребностью его души и внутреннего духовного настроя» (Климаков, 2010. С. 5-8).

Известно выражение: «Консерватизм – это сознание исторической правоты». Николай Бердяев писал (1990): «Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Революционизм поверхностен, оторван от онтологических основ, от ядра жизни. Эта печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины. ...Без консервативной среды невозможно появление великих творческих индивидуальностей. Много ли вы насчитываете творческих гениев среди идеологов крайнего революционизма?» (<http://историк.рф/journal/о-консерватизме/>). Таким апологетом консерватизма в жизни России второй половины XIX века был князь Владимир Петрович Мещерский.

Владимир Петрович Мещерский (1839-1914).

Начиная с 1872 года, «в качестве противовеса либерально-космополитической петербургской печати» он на частные пожертвования издаёт журнал-газету «Гражданин», и в первом же номере провозглашает своё кредо: «Мы не приписываемся ни к какому цеху. Мы становимся прямо и твёрдо среди жизни Русского государства и из неё черпаем те начала, которые должны лечь в основу нашего журнала». И далее излагает пять основополагающих принципов, в том числе: «В нас самих, в зародыше нашей духовной жизни, лежит та сила, от развития которой зависит всё наше будущее. Стоя среди этой жизни, мы будем в состоянии видеть её светлые и прекрасные стороны отчётливее и ярче; мы увидим также, что слабые её стороны серьёзнее и опаснее, чем мы вообще привыкли ду-

мать. ...Опираясь на историю цивилизации всего образованного мира и десять столетий нашей исторической жизни, мы других авторитетов признавать не будем ни в каких случаях и ни в каких вопросах» (цит. по: Климаков, 2010. С. 11-12). Журнал стал «подлинным штабом русского консерватизма» (с. 15). Нетрудно видеть, что кредо В.П. Мещерского созвучно с концепцией «почвенничества» Аполлона Григорьева (2008).

Особое внимание в работах В.П. Мещерского уделяется пореформенной России и тем негативным процессам, которые не смогло предвидеть правительство в тот момент, когда 19 марта 1856 года был объявлен царский Манифест и началась внутренняя переделка российской жизни. Смысл и цель этого события были обозначены русским Государем в простой и понятной всем фразе: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнёт отменяться снизу». Возникшую вслед за манифестом проблему В.П. Мещерский видит в «роковом заблуждении» реформаторов: «Это роковое заблуждение заключалось в мысли, что в России, в отличие будто бы от других государств, можно совершать реформы в либеральном духе, обходясь совершенно без консерваторских или охранительных начал» (Мещерский, 2010. С. 163).

В трудах В.П. Мещерского большое место отводится духовной роли дворянства – слою русской интеллигенции, служившей связующим звеном «между русским народом снизу и русским царём сверху». В работе «Речи консерватора», впервые опубликованной в 1876 году, он пишет о том, что после отмены крепостного права «дворянство в русском обществе улетучилось как духовная сила», оно заменено «мёртвым отравлением разных либеральных профессий». И это несмотря на то, что либерализм «существенно противоречит духу, гению, инстинктам Русского народа, который искони был и всегда будет консервативен, пока его не переделают в развращённого выроodka своих крепких духом предков» (с. 167). В основу пореформенной России должны были лечь не «либеральные утопии чиновников-народолюбцев», а «те же самые основы, какими прожила Россия свои 980 лет до эпохи нынешних реформ» (с. 172).

Почему увядание духовной силы дворянства связывается с отменой крепостного права? Потому, пишет В.П. Мещерский, что либералы идентифицировали дворянство с крепостничеством: «Величайшее зло, сделанное России нашими либералами, заключается в том, что для изгнания дворянства из нашей жизни они прибегнули к самой недобросовестной лжи. Они уверили всех и каждого, уверили даже само дворянство в том, что крепостное право и дворянство – это одно и то же, и что с уничтожением крепостного права должно рушиться дворянство. Это была изумительно наглая ложь» (Мещерский, 2010. С. 75). И мимоходом замечает: «Спорить с умышленно лгущими и сознательно клеветующими – не значит ли ронять себя в собственных глазах?» (с. 166).

Далее он поясняет свою позицию: «Крепостное право было вещественное право, подлежащее материальному разрушению. Дворянство же было чисто духовная сила, - сила, как я сказал, животворившая, созидавшая и по существу своему – консервативная, которая не могла быть разрушена как вещь, но могла быть изгнана, выкурена, так сказать, какой-нибудь другой духовной силой. Дворянство, как я сказал, могло только улетучиться или испариться, ибо оно было духом. Это-то и случилось».

И продолжает: «Мы дали себя как дети или как алеуты уверить в том, что есть на белом свете, а именно в России, другая ещё духовная сила, более животворящая, более производительная, более консервативная, чем дворянство. Сила эта - нивелирование или уравнивание всего во имя либерализма. Другими словами, мы дали себя уверить в том, что дворянство как дух положительной духовной силы может быть заменено либерализмом как духом разрушающей, отрицательной силы. И она Россия построилась на отрицании всех её жизненных основ. ...В жизни, вопреки математике, где минус на минус даёт плюс, отрицательные величины не могут создавать положительных: *дух отрицания не может плодотворить*» (Там же. С. 76-77).

В.П. Мещерский утверждает, что православная Церковь всегда была душой России. Но дух Церкви был разобщён с дворянским духом и с народом реформами Петра: «Когда Пётр раскрошил сословие русских бояр и все эти крошки разбросал на ветер, он тем самым разорвал и корпоративную связь тогдашнего дворянства с народом, а следовательно, и с церковью. С той поры цивилизация Запада как дух заменила для русских дворян дух общения их прежнего с народом и Церковью, и если принять в соображение, что со времени Петра непрерывно тянется период истории, где Русская Церковь после удара, нанесённого ей Петром, всё более и более перестаёт быть существенной частью государственной нашей жизни и всё более и более делается официальной и декоративной её частью, то остаётся только быть признательными русским дворянам за то, что они не создали своей собственной общеевропейской веры» (Мещерский, 2010. С. 114).

В.П. Мещерский задает вопрос, та ли нынешняя Церковь, что была при апостолах, и та ли, что была в Древней Руси? И отвечает на него отрицательно: «Последние два века нашей политической жизни воспитали высшие слои государства в мысли, что можно быть государством, не нося в себе ни духа его истории, ни духа его народа. Те же последние два века воспитали это высшее общество вне общения внутреннего с духом Церкви и её преданий» (с. 364). Известно, что европейское католичество и протестанство отошло от основных заповедей христианства и пришло к религиозному кризису. Однако «прежде чем спасать Церковь на Западе, нам нужно спасти себя самих, нам нужно вернуть нашу Церковь в свою жизнь». Предпосылка для этого есть: в отличие от Запада, православие на Руси всегда придерживалось заповеди Христа: воздадите кесарю кесарево и Богу – Божие, где суть внутреннего общения с Церковью состоит в духе любви, под влиянием которой складывались все православные предания и традиции. Поэтому надо «обратиться к Православной Церкви и спросить у неё средства противодействовать антирелигиозной и антисоциальной пропаганде». Церковь должна быть в авангарде борьбы за истину. «Агентами нравственности должны быть прежде всего агенты Церкви. Без этого первыми вашими агентами будут нечаевцы» (Там же. С. 380) (именно с нечаевцев Ф.М. Достоевский списал образы своих “бесов”.- Прим. автора).

Одна из характерных черт дворянского духа, по В.П. Мещерскому, то, что «он был *русский*, то есть *народный*, и, следовательно, в проявлении своих отношений к русской жизни не представлял фальши»: «Дворянский дух был не что иное, как тот духовный мир мыслей, чувств, верований и привычек, который сложился из согласования народных, чисто русских начал боярства с идеями западной цивилизации» (с. 130).

Другую особенность дворянского духа он видит в патриотизме: «*Патриотизм и дворянский дух* в то время были почти синонимы. Патриотизм этот в обыкновенное время производил то, например, что государственное дело вообще, - то есть то, что римляне называли *res publica* (общее дело), - входило в частную или семейную жизнь каждого и сливалось с ней; в необыкновенное же время этот же патриотизм, или дворянский дух, рождал и великих людей, и великие подвиги» (с. 114-115).

Он показывает, почему великие по замыслу реформы привели к поражению общества «нравственной гангреной», к тому, что «никогда ещё Россия не была в такой серьёзной нравственной опасности, как теперь»: «Всю пережитую нами эпоху реформ можно назвать длинным и крупным нравственным *qui pro quo* (одно вместо другого), в котором принципы всего вечного и прочного были приняты за отжившие предрассудки, а увлечения беспочвенного либерализма были приняты за вечные и основные принципы. Отсюда – нравственная фальшь, испортившая реформы и парализовавшая их великие практические цели. Не должно касаться буквы коренных реформ, улучшивших наш политический строй, но необходимо коренное изменение общественного духа, об-

щественного нравственного быта. Qui pro quo должен перестать существовать» (Там же. С. 82).

Дворянство как сословие, которое располагало крепостным правом, ошибочно было признано той силой, с сокрушения которой надо начать на развалинах старой России – создание России новой, России *нивелированной*, России *уравненной*. Партия была проиграна дворянством, и этот проигрыш произошёл, «когда стало ясно, что *отрицательное направление духа времени*, созданное нашими нивелизаторами, взяло верх над *положительным или народным направлением* духа старого порядка, не имевшего ничего общего с крепостным правом, и взяло верх потому, что представители *положительного* направления малодушно сошли с поля битвы». Дворянство «должно было громко и решительно протестовать против такого *лжеучения*, и, предоставляя крестьянскому вопросу идти своей дорогой, ни в коем случае не допускать, чтобы разрушители крепостного права разрушали бы и старую Россию» (Мещерский, 2010. С. 135).

В подтверждение своей концепции Владимир Петрович апеллирует к истории: «Полагаю, и даже уверен, что на нашей стороне правда, ибо перед нами наша история. Она показывает нам, что пока было в России живо наше дворянство, мы имели в Церкви – Филаретов и Платонов, в армии – Суворовых, в науке – Карамзиных, в литературе – Пушкиных и Гоголей, в педагогике – Уваровых, и так далее, а с тех пор, как дворянство улетучилось, мало того, что мы всех этих представителей духовной животворящей силы не имеем, мы ослабили в себе способность их уважать, а иные пошли даже дальше: они называли Пушкина произведением крепостничества» (Там же. С. 75).

Он показывает разброд общественных мнений в образе мыслей, когда «везде и всё вверх дном»: «Мы видим, например, много людей, которые твёрдо верят, что уму надо прежде всего быть либеральным, а потом уже здравым; мы видим везде массы умов, которые с самым серьёзным видом вам говорят – и даже не пытаются доказывать – что гораздо важнее для народной школы знакомство с анатомией, чем с историей Нового Завета; мы встречаем ежедневно людей, которые говорят, что теперь женское образование не должно быть тем, чем оно было прежде, то есть средством приготавливать женщину для семейной жизни, и должно быть школой для приготвления женщин-деятелей» (Там же. С. 73-74).

Владимир Петрович заканчивает свою мысль, по существу смыкаясь со своим современником, писателем Ф.М. Достоевским (2011) в его предвидении «бесовщины», могущей охватить и действительно в скором времени охватившей Россию: «Всё это проявления умопомешательства, но помешанных так много, что они считают себя здравомыслящими, а нас грешных – помрачёнными каким-то мракобесием. Как видите, положение почти безвыходное: ещё немного свободы, и эти легионы помешанных обратятся в шайки бешеных, которые начнут слёт либерализма, свою педагогику, свои женские вопросы проводить кулаками и другими более или менее неразумными путями» (Там же. С. 74).

Несмотря на сетования об упущенном времени, В.П. Мещерский полагает, что ещё не всё потеряно, что в отношении основных реформ надо пока «поставить точку», «ибо нужна пауза, пауза для того, чтобы дать жизни сложиться, дать жизни создать душу и формы для народного образования, дать этому народному образованию вырастить людей не колеблющихся и не сомневающихся и дать этим людям создать из себя силы для общества и правительства!» (с. 162).

В этой связи В.П. Мещерский уделяет большое внимание школе как инструменту формирования личности, и его взгляды по вопросу просвещения народа предельно актуальны и в нынешней России в дни разгула в ней идеологии неолиберализма: «Ведь главное зло, поражающее Россию в её жизненных организмах, есть развращение души с самых юных лет. Против этого зла речи, статьи, брошюры и всякие патриотические манифестации недостаточно сильны. Против этого зла есть одно только средство

борьбы, это – школа. Мы не должны и не можем делать себе иллюзий: правительственная школа, прекратившая воспитание, обессилила себя в борьбе со школой растления и революции» (Мещерский, 2010. С. 55).

Более того, он предлагает принципы пансиона, созданного для бедных дворянских детей, распространить на систему народных приютов, и видит в этом одно из средств сохранения духовности общества и предотвращения революций: «Отчего бы в подобие ему не начать с попытки в малых размерах устроить приют для содержания и воспитания подростков, выбрасываемых нуждою или пренебрежением современных интеллигентных семей на улицу и идущих так же охотно в хулиганы, как и в преступники, и в революционеры? Есть минута в каждой молодой жизни, решающая её участь: придавит его зло – он погиб; повеет на него ласкою участия – он спасён. Вот быть олицетворением ласки в эту минуту для бросаемых жизнью на улицу подростков – разве не могло быть одной из целей среды, столь богатой добрыми и любящими сердцами. И есть ли причины не верить, что ваши учреждения могли бы понемногу раскинуть по всей России такую сеть спасательных учреждений для молодых жизней, тонущих в житейском море?» (Там же. С. 56). В то же время он понимает неосуществимость задачи «учить нравственности в школе грамотности там, где школа жизни учит безнравственности и манит на безнравственность» (с. 349).

В.П. Мещерский выступает против сугубо утилитарного направления в образовании, против «учебной распутицы», «против мёртвого преподавания вне всякого общения учащихся с учащимися, необходимого как помощь всестороннему развитию молодёжи», выступает за то, чтобы образование делало из юноши, во-первых, человека и, во-вторых, - русского, полагая, что «будущность государства и его юношество – это одно и то же». «Взгляните на наши школы, - пишет он, - везде вы в них найдёте в массах отсутствие религии, отсутствие твёрдых и ясных понятий о нравственном долге и, наконец, полное отсутствие чувства национальности: это русские школы по названию, но русского в них ничего нет» (с. 435). Он выступает за воспитание народное, а не за «общечеловеческое», «которого вовсе нет».

В начале 1860-х годов в образовании были проведены либеральные реформы, разлагающие умы молодёжи, «взамен твёрдого, прочного, строгого и развивающего» образования прежней системы, «готовя самый ядовитый, самый враждебный русской исторической жизни пролетариат недоучек, верхоглядов и тупиц». «Увидя эти столь быстро обнаружившиеся плоды сделанных мнимому общественному мнению уступок в вопросе высшего образования, увидя университетские кафедры пустыми вследствие неохоты людей к науке, увидя гимназии, переполненные учениками, обращённые в какие-то фаланстеры политических бредней и рассадники нигилизма, увидя аудитории университета, полные крупными невеждами-студентами, увидя, наконец, в каждой семье и в целом обществе борьбу двух поколений, где отец не понимает сына, а сын презирает отца, - правительство ужаснулось... (с. 445-446).

Стала очевидной необходимость прекратить процесс «постоянного приготовления революционных элементов в России посредством университетского образования», пришло осознание того, что «нельзя на одних вещественных и экономических основах обеспечить порядок и благосостояние многомиллионного народа, а надо, прежде всего, установить и упрочить духовные основы народного быта», что народу «прежде всего нужен порядок в жизни, а порядок в жизни немислим без усвоения каждому в народе с детских лет Христовых заповедей любви, почитания и поведения», что «не свобода нужна в учении, а напротив, стеснение свободы посредством введения обязанности учиться», что «без этого подготовительного и принудительного периода свобода погубит и университеты, и науку, и молодёжь». Правительством была поставлена цель – «изгнание отовсюду напущенной в школу либеральной фальши и введение серьёзных отношений дисциплины научной к науке», был избран путь – «воспитание юношества

на твёрдых началах дисциплины и в духе нравственности и религии с тем, чтобы это юношество внесло в общество новый дух русской жизни» (с. 453, 464, 465, 477, 478).

В.П. Мещерский, положительно оценивая этот новый путь воспитания, отмечает, что вопрос внесения юношеством нового духа в русскую жизнь – «это вопрос будущего». Однако надежды не оправдались: вскоре после его смерти Россия вступила в мировую войну, последовал развал империи и затем – пролетарский переворот 1917 года.

Репутация князя Мещерского, одиозная среди либералов и левых, была не лучшей и в кругах консерваторов. Современники В.П. Мещерского в своей массе не поняли его предостережений, либеральная и революционная печать, отрицавшая монархические идеи князя Мещерского, открыто издевалась над ним на страницах своих изданий. Идеи буржуазного либерализма во второй половине XIX века уже захватили и интеллигенцию, и учащуюся молодёжь, и чиновничью бюрократию, и даже некоторых крупных писателей. В.П. Мещерский во взглядах на русское самодержавие был последователем идей своего деда – историка Н.М. Карамзина, считавшего, что большим странам наиболее удобен и необходим монархический способ государственного управления, а созданную после революции 1905 года Государственную думу он называл «сумасшедшим домом» (Климаков, 2010).

Ярким дарованием считал князя В.В. Розанов: «сколько тонкости и остроты в языке и мысли!», а в некрологе даже влиятельнейшая либеральная газета «Русское Слово», всегда стоявшая в оппозиции его идеям, писала: «Целые полвека он имел своеобразную смелость стоять одиноко, имея против себя всю Россию». Характеристику, данную князем Ю.Ф. Самарину: «Одним он никогда не был: уступчивым в своих убеждениях», - можно с полным правом отнести и к самому автору.

Список использованной литературы

- Бердяев Н.А.* Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990. 598 с.
Григорьев А.А. Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 685 с. (Серия «Русская цивилизация»).
- Достоевский Ф.М.* Бесы: роман. М.: Эксмо, 2011. 606 с.
Климаков Ю.В. Предисловие // Мещерский В.П. За великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 5-26 (Серия «Русская цивилизация»).
- Мещерский В.П.* За великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с. (Серия «Русская цивилизация»).

Рецензент статьи: профессор, доктор биол. наук, ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН Е.В. Колтунов.